

Рецензии, обзоры, информация

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И О НОВЫХ К НЕЙ МАТЕРИАЛАХ

[Александр Федута. Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской Империи, Письма прошедшего времени, Минск: Лимариус, 2009. 264 с.]

В современном мире модернизации, постмодернизации, постпостмодернизации всего возможного и невозможного приходится слышать мнения, что изучение истории литературы и литературных контекстов, да еще позапрошлого века, мало кого интересует, устарело, «не модно», поэтому нужно от подобных «пережитков» если не отказываться, то хотя бы на время отойти в поисках чего-то совершенно нового¹.

Недавно изданный сборник статей известного белорусского филолога, публициста, общественного деятеля А. И. Федуты *Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской Империи* может как раз ответить на вопрос: почему и, главное, как сегодня можно и нужно изучать литературные процессы

прошлых эпох. Эта книга может показаться полезной для тех, кто понимает историю литературы не просто как описание смены литературных процессов, но более широко, включая вопросы литературного производства (социальный статус писателя, литературная среда, формы проявления литературной репутации), литературного потребления (тиражи, издания, библиотеки) и т. п. Имеется в виду то, чем, по словам М. Л. Гаспарова, «историки литературы интересовались издавна и только почему-то избегали включать это в общие истории литературы»².

Во вступлении, названном «Жизнь есть текст. Текст есть жизнь», Федута выделяет одну очень важную особенность читательского восприятия: «Мы вкладываем в написанное им [автором из прошлого. – Д.Б.] собственные наши мысли и собственные наши воспоминания». Иногда нам, читателям, кажется, что «... все, написанное [...] – гораздо более реально, чем то, что собственно говоря, и было» (с. 4). История литературы, таким образом, есть и история

¹ Вопрос том, как сегодня, в XXI в., следовало бы писать историю литературы, затрагивался, многими известными филологами. См., например, статьи:

М. Гаспаров, *Как писать историю литературы?*, <http://www.durov.com/literature1/gasparov-03.htm>

Г. Карпи, *К истории русской литературы*, <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/5/ka12.html>

Ю. Манн, *Штрихи к панораме*, <http://magazines.russ.ru/vst.:oplit/2010/5/ma13.html>

² М. Гаспаров, *Ук. соч.*

человеческой жизни. И знакомство с этой историей, изучение различных ее сторон не дает нам забыть, что все, что с нами происходит сейчас, уже не раз случалось в жизни других. Маленький пример: в статье «Квартирант: Письма М. Малиновского И. Лелевелю» Федута, рассказывая о литературной ситуации начала XIX в., словно невзначай замечает: «Опальные были в моде» (с. 8). А что, сегодня мода изменилась? Опальные, к сожалению, были и есть всегда. Но в данном случае, к счастью, сама «мода» осталась прежней: возможно, книга самого Федуты осталась бы многими не прочитанной, если б не серьезные неприятности, постигшие ее автора (если так можно назвать арест А. Федуты, длившийся около четырех месяцев).

С некоторыми статьями, вошедшими в состав *Писем прошедшего времени*, уже случалось знакомиться раньше, в основном, в филологических журналах, издаваемых в Литве. Действительно, для литовского читателя эти статьи особо актуальны, так как проблематика, затрагиваемая в них, тесно связана с Вильнюсом, его историческим прошлым и литературным контекстом. Большинство «героев» в книге Федуты – деятели польской культуры первой трети XIX в., выходцы из литовских губерний. Так, достаточно посмотреть на именной указатель книги, чтоб убедиться, что имя Ф. Булгарина, одного из главных «героев» исследований А. Федуты, в книге встречается чаще других. В Польше, как пишет автор, «их имена – как пострадавших польских патриотов и основателей новейшей польской литературы – окружены искренним почитанием» (с. 9). А вот русскоязычному читателю, еще мало знакомому с

историей виленской интеллигенции начала позапрошлого века, они мало что говорят. Кроме того, все мы, в основном, привыкли воспринимать литературу как нечто, созданное исключительно выдающимися личностями – такими как Пушкин или Мицкевич, например. Но данное исследование заставляет нас вспомнить, что в литературе, как и в любой другой области, «нет мастеров без подмастерьев».

Письма прошедшего времени не только берутся знакомить не читающего по-польски читателя с неизвестными страницами российской имперской литературной истории и быта, как это может показаться с первого взгляда, не только предлагают знакомство с письмами, дневниками, мемуарами людей пушкинской эпохи, ранее не переводившимися на русский язык. Федута пишет и обо всем хорошо известных персонажах истории русской литературы. Однако в статьях сборника высвечиваются такие стороны их жизни, о существовании которых никто и не предполагал. К примеру, кто из нас знал, кому и почему Фаддей Булгарин, редактор *Северной пчелы*, сдавал комнаты в Петербурге? Кому была известна его слава «радушного хозяина», за столом которого собираются и домочадцы, и многочисленные гости» (с. 14), чего никогда не случалось, например, в доме профессора Осипа Сенковского.

Книга Федуты предлагает немало неожиданных версий, опровержений авторитетных мнений, касающихся как личной жизни упоминаемых деятелей, так и собственно литературной части их дела. Кстати, неприятие или уточнение устоявшихся мнений и суждений всегда очень корректно, что, к сожалению, не всегда характерно для исследований по

истории литературы. В качестве примера культуры научной дискуссии можно привести «полемику» автора с известным литовским пушкинистом Р. Сидеравичюсом в статье «Три “Будрыса”»: Авторский текст – подстрочник – поэтический перевод» (с. 131).

Отсутствие категоричности, ссылки на источники, перечисление всевозможных гипотез, переплетение научности с публицистичностью, акцентированная собственная позиция и самостоятельное видение многих вопросов – отличают эту книгу от многих других, претендующих на предельную объективность, академичность и поэтому часто... схематичных и скучных, т.е. таких, которые обычно воспринимаются под рубрикой «для специалистов». Увлекает живой юмор автора, умело подобранные забавные эпизоды либо высказывания. Особенно запомнился в книге Федуты фрагмент воспоминаний будущего цензора О. Пшецлавского, пока тот еще занимал пост редактора, вечно противостоящего цензорам: «Я давно сделал замечание, что в описании *Ада Данте* пропустил одно из тяжелых человеческих мучений: это положение редактора журнала, имеющего дело с глупым цензором, и вот чего я страшно боялся на этом еще свете» (с. 92).

Современному читателю было бы интересно узнать, кого в начале XIX в. считали главным виленским сплетником (так автор книги характеризует известного мемуариста С. Моравского, с. 108), или познакомиться, например, со статьей «Наполеон и Ян Снядецкий: К вопросу о семиотике поведения государя» (думаю, следовало бы подумать о переводе этой статьи на литовский язык). В ней мы не просто находим очерк польского историка

М. Балинского «Наполеон и Ян Снядецкий» (1856), переведенный на русский язык автором исследования, и узнаем о том, как 30 июня 1812 г., на третий день после прихода французов в Вильну, ректор Виленского университета, не переодевшись, пробирался в кабинет к отдыхающему завоевателю Европы. Этот сам по себе любопытный исторический факт сопоставляется Федутой с другим, более известным историческим событием – встречей Наполеона с Гете, описанной в мемуарах Ш. М. Талейрана. За историческими параллелями, приведенными автором, следует вывод: вождям, императорам, государям и другим, им подобным, во все времена, «необходимо доказывать свою интеллектуальную, духовную самостоятельность» (с. 173). Сделать это возможно только при встрече с более-менее равными, авторитетными и знатными, в том числе и с интеллектуальной элитой. Согласитесь, лучшего объяснения, почему все президенты и короли во время своих заграничных визитов обязательно посещают университеты, принимают там всевозможные почетные награды, облачаются в университетские мантии, и не нужно.

Итак, история, в том числе и литературы, а не только политических сражений и конфликтов, может ответить на многие вопросы нашей жизни. Историко-литературный факт в статьях сборника Федуты не просто анализируется – за ним всегда подразумевается нечто особенно актуальное для нашей жизни. Например, работа «Басня И. А. Крылова “Слон и Моська” в русской литературе сталинской эпохи» (с замечательной иронической дедикацией «Автор посвящает данную публикацию памяти понятия “интертекстуальность”») сегодня

приобретает новый смысл, о котором ее автор, когда писал эту статью, даже не догадывался. А. Федута словно заранее объяснил собственный жизненный выбор, который ему пришлось сделать в конце первого десятилетия нынешнего века. Воистину пророческими словами заканчивает он свою статью о басне: «Исторически побеждает Моська, а вовсе не безгласный и бездушный Слон и добровольно обслуживающая его Шавка. Такова мораль, начертанная Историей на полях басни дедушки Крылова» (с. 240).

Политическое и национальное сквозь литературное угадываются почти в каждой статье данной книги. Но, к счастью, в жизни имеет место не только это: милые бытовые подробности далекой эпохи также не остались без внимания. Оказывается, и в царской империи дворянки были озабочены тем, как достать на Пасху хорошие башмачки, изготовлением которых издавна славились варшавские мастера. Больше всего в истории с башмачками занимательно то, что эти проблемы жены и тетки Булгарина взялся «решить» историк М. Малиновский: в письмах своему бывшему виленскому учителю, профессору И. Лелевелю (!), он не раз просил купить и прислать эти башмачки, так как «бабы не дают мне покоя» («Квартирант: Письма М. Малиновского И. Лелевелю», с. 57).

В другой статье – «“Имея отличное уважение...”»: Письма А. Н. Оленина С. Богуш-Сестренцевичу» – узнаем, что тот же Малиновский, претендовавший на место библиотекаря главного имперского книжного фонда на европейских языках – петербургской Императорской Публичной библиотеки, в одном из своих писем информировал Лелевеля,

сколько денег получали ее сотрудники на свое содержание. Указанные во фрагменте письма цифры (800–1200 рублей ассигнациями) невольно заставляют сопоставить их с тем, какой суммой оценивается труд сегодняшних сотрудников главных хранилищ национальных книжных фондов. Современный читатель, даже если он не очень хорошо разбирается в запутанной денежной системе российской империи начала XIX в., поймет, что аналогичная работа два столетия назад ценилась намного больше. Как пишет Л. Писарькова в исследовании «Чиновник на службе в конце XVII – середине XIX века», оклад канцелярского служителя в министерстве не превышал 200 рублей в год («Отечественные записки», 2004, № 2). Получается, что младшие сотрудники библиотеки получали в четыре раза больше, чем младшие сотрудники министерств!

Как упоминалось выше, статьи, представленные в сборнике, ранее автором публиковались. Статья же, которая напечатана впервые, уже одним своим названием привлекает внимание. Кого не заинтересует «Приватная жизнь профессора Сенковского»? Здесь надо отдать должное автору: заглавия большинства статей и разделов книги весьма точны и заинтриговывают читателя. Издав и прокомментировав доселе не публиковавшиеся письма жены О. И. Сенковского, Федута создал новый, скажем, более полный портрет своего героя. И тот Сенковский, который в нашем воображении всегда казался несимпатичным, непривлекательным, иногда, может, и вовсе отвратительным, получает вполне человеческое обличие. Оказывается, его очень любили женщины. Как остроумно заканчивает

статью ее автор: «Значит, было за что любить?» (с. 118). Весьма возможно, что мужчины, а именно они претендовали на создание истории литературы и описание места Барона Брамбеуса в ней, несколько односторонне изобразили Сенковского, и не последнюю роль в этом играла... элементарная зависть. А указание Федуты на то, что Сенковский, высоко почитавший не только талант, но и образ жизни Жорж Санд, в собственной супружеской жизни мог играть роль Лопухова, героя романа Н. Г. Чернышевского, притягивает к себе еще один значимый аспект истории литературного быта. Здесь имеется в виду, как сейчас модно говорить, семиотика поведения литературного деятеля в частном пространстве. Привлекая к разговору исследование И. Паперно о Чернышевском «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма» (1996), мы можем получить весьма интересную картину, расширяющую наши знания об институте русской семьи накануне эпохи Л. Н. Толстого и, возможно, расшатывающую более-менее традиционное представление о патриархальных устоях жизни русского общества той поры. И появившиеся в век модернизма «новшества» в этой области покажутся лишь дополнительными иллюстрациями к уходящей эпохе.

Подобные факты, детали, мелочи, всегда подтверждаемые лично автором проверенными документами и «разбросанные» по отдельным статьям, при чтении всей книги Федуты складываются в определенную развернутую картину, в которой со всей очевидностью проступает система, называемая «литературной эпохой» начала XIX в. А в ней, словно в зеркале, отражается наша собственная жизнь. Хотя автор в своем вступлении и пишет, что «все мы не похожи друг на друга» (с. 5), все же это не совсем так. В этой непохожести нам нравится отыскивать знакомое. Ведь в этом, как все мы знаем, и есть один из самых приятных моментов чтения. А с увлечением читать книгу о литературной жизни давно прошедшей эпохи – это уже заслуга автора, любящего как своих героев, так и читателей. Автора, который вовсе не стремясь систематизировать наши знания, все же и в этом преуспел. Подтверждением тому служит следующее: после появления статьи А. Федуты «Пушкин глазами Грибоедова. Роман Ю. Н. Тынянова “Смерть Вазир-Мухтара”» проблема «Пушкин и Грибоедов» вряд ли в ближайшее время привлечет внимание новых исследователей с целью изучения «белых пятен» истории литературы.

Дагне Бержайте